

УДК 811.111: 801

В. БРЮСОВ – ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «РУССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

© 2013 А. И. Иванов

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 14 августа 2013 года

Аннотация: В статье освещается роль и место военных очерков В. Брюсова в русской журналистике периода Первой мировой войны (1914-1918 гг.). Анализируются особенности восприятия войны XX века в публикациях поэта, ставшего военным репортером.

Ключевые слова: Первая мировая война, военные реалии, жестокость и гуманизм.

Abstract: In the article the role and importance of war essays by V. Brjusov for Russian journalism in the period of World War I (1914-1918) are discussed. The characteristic features of perception of the war in the 20th century, seen through the works of the poet assuming the role of a war correspondent, are analyzed.

Key words: World War I, war realities, brutality and humanism.

В «Краткой биографии» В. Брюсов писал: «В годы империалистической войны я был на фронте корреспондентом от газеты «Русские Ведомости»; одному из первых мне удалось, с товарищем, проехать в освобожденный Пшемьсль. После занятия немцами Варшавы я вернулся в Москву, глубоко разочарованный войной, что тогда же и выразил в стихотворении, напечатанном в «Новой жизни» М. Горького» [1]. Это лаконичное высказывание об отношении В. Брюсова к войне многими биографами и исследователями творчества поэта-символиста сокращалось до минимума: упоминание об участии в войне в качестве корреспондента и непереносимое разочарование. Несколько больше внимания уделяется поэтическим откликам Брюсова на войну – стихам, вошедшим в книгу «Семь цветов радуги», циклу «В Армении». При этом как-то забывается, что некоторые стихи присылались в «Русские Ведомости» с фронта, публиковались вместе с его военными очерками.

I

В газете «Русские Ведомости» от 25 июля 1914 г. (№ 170) была помещена небольшая информация, в которой говорилось: «Сегодня в Литературно-художественном Кружке был дан обед в честь В. Я. Брюсова, отправляющегося на театр военных действий в качестве корреспондента «Русских Ведомостей». Было произнесено много речей. Блестящие речи были произнесены В. Я. Брюсовым и князем А. И. Сумбатовым. Оркестром по требованию публики

были исполнены гимны: русский, французский, английский и сербский. Были приглашены служащие кружка, – официанты, буфетчики и пр., – идущие на театр военных действий. Некоторые из них явились уже в форме. Было подано шампанское. И. И. Попов произнес речь, обращенную к В. Я. Брюсову, в которой высказал пожелания, адресуемые Кружком отъезжающему писателю, и поднес от дирекции Кружка в подарок походную сумку со всем набором <...>. [2]. А уже в номере от 19 августа был опубликован первый очерк В. Брюсова «Путь на Запад» с пометкой «Александровская дорога», датированный 15 августа.

Предваряя суждения о военных корреспонденциях В. Брюсова, подчеркнем, что мы не ставим цель анализировать ход военных действий, замыслы и просчеты командования вооруженных сил противоборствующих коалиций. Однако уместным будет напомнить лишь следующее. Россия вступила в войну, выполняя союзнические обязательства перед Францией и стремясь остановить Германию на пути к гегемонии в Европе.

Русская армия 1914 года в результате начатой в 1910 г. реформы была могучей боевой силой, вызывавшей восхищение союзников и невольное уважение – противников. В то же время незавершенность реформ, слабая организация управления, неэффективность использования отдельных преимуществ быстро проявились в ходе войны. Превосходство в людской силе не смогло компенсировать отставания в производстве вооружения и недостатков военного руководства.

С началом войны были образованы два фронта – Северо-Западный (командующий генерал

© А.И. Иванов, 2013

Я. Г. Жилинский) против Германии и Юго-Западный (командующий генерал Н. И. Иванов) против Австро-Венгрии. Первостепенной целью русского наступления стала Восточная Пруссия. Под общим командованием генерала Я. Г. Жилинского русские Первая (генерал П. К. Ренненкамф) и Вторая (генерал А. В. Самсонов) армии 17 августа вступили на германскую территорию.

Первые августовские сражения выявили сильные и слабые стороны противников, а также характерные особенности начавшейся бойни. Многие из них нашли отражение в корреспонденциях Брюсова. В его очерках упоминаются успехи русских армий против австро-венгерских войск в Галиции (Юго-Западный фронт), звучат населенные пункты, обозначившие линию правого фланга (Люблин – Холм) и другого крыла (Тарнов – Перемышль), передана быстрота сражений у Красника и Томашова (Люблин-Холмская операция) и т. д.

Брюсов ощутил особенности боевых действий на Северо-Западном фронте, где русским пришлось сражаться с немцами. Он упоминает успехи армии П. К. Ренненкамфа в Восточной Пруссии, внушавшие надежды на скорую победу. И, наверное, еще не знал о трагедии армии А. В. Самсонова, окруженной и окончательно разбитой к 30 августа.

В сентябре обстановка на двух российских фронтах резко изменилась. Воспользовавшись неудачами русских войск на Северо-Западном фронте (несогласованность действий командующих армиями П. К. Ренненкамфа и А. В. Самсонова, перехват секретных документов), немцы, спасая австрийскую армию, потерпевшую поражение на Юго-Западном фронте, начали наступление на русской Польше. Совершив проход вдоль Вислы, они нанесли удар в районе Лодзи, остановившись в двадцати километрах от Варшавы. К концу 18 ноября Лодзь была почти окружена, внутри незамкнутого кольца находились сто пятьдесят тысяч русских войск...

В очерках Брюсова, находившегося в это время в непосредственной близости от боевых действий, частично отражены эти драматические для России и Польши события. В результате совершенного командованием Северо-Западного фронта маневра и ожесточенных боев, в которых русские потеряли около семидесяти тысяч убитыми, Варшаву удалось отстоять. Чтобы защитить Лодзь, русские войска были вынуждены остановить свое наступление в Силезию. Между Варшавой и Перемышлем сосредоточились 55 пехотных русских дивизий против 31 австрийской и 13 германских [3]. Именно в эти дни против русских войск начали сражаться польские войска Пилсудского под общим командованием австрийцев...

II

Перечитывая художественные и документальные свидетельства о войне, вольно или невольно задаешься вопросом о *правде войны*. В связи с этим интересно мнение Ф. Степуна (философ, писатель, в годы войны офицер-артиллерист), имевшего возможность следить за тем, что публиковалось о войне. Размышляя о газетной неправде о войне, он выразил критическое замечание не только о творчестве начинающих, но и о писателях, ставших известными к началу Первой мировой, т. е. о всех, кто во время войны стал художником-баталистом. «Так врут или, по крайней мере, *детонируют* все газетные живописцы войны. Брюсов и А. Н. Толстой, к сожалению, тоже не исключение: читая их, получаешь впечатление, что они задались целью изобразить поверхностностью своих наблюдений быстроту автомобильного бега» [4].

Поспешность в сообщениях газетчика, скорее всего, неизбежна. Масштабность событий оправдывает некоторую поверхностность суждений. Но детонация ко лжи не была свойственна публикациям В. Брюсова. Им присуще другое: смягчение облика войны, более яркое высвечивание героического в тружениках войны. И это – не только следование жестким требованиям военной цензуры, редакционной позиции солидной газеты; это и этика военного времени – стремление нравственно поддержать воюющую нацию. Не сбросить со счетов и особенности читательского восприятия во время войны, рано появившаяся усталость общества от военных тягот. Однако за всем этим в исследовании творчества настоящего художника, а не только хроникера, не должна уходить на второй план его творческая индивидуальность, особенности его видения войны. Эти столь очевидные для литературоведов истины не всегда учитываются историками, обращающимися к литературе 1914-1918 гг. как свидетельнице событий, фактов военной действительности [5].

К вопросу о правде во всём, что было написано о Первой мировой современниками и очевидцами войны, вновь и вновь возвращался Ф. Степун: «Мое основное сейчас убеждение то, что все, кто пишут о войне, решительно ничего в ней не видят и не понимают. Ты не можешь себе представить, до чего часто мы все, т. е. офицеры нашей бригады и наших полков, громко и весело хохочем, читая в окопах получаемые нами «Русское слово», «Огонек», и др. органы. Я уже не говорю о таких «ляпсусах», как утверждение, что «гранаты, разрываясь, осыпали окопы шрапнельными пулями» <...> Слава Богу, что такие (путающие гранату и шрапнель. – А. И.) еще есть <...>. Однако еще решительнее и очевиднее скудоумие жанрописцев войны» [6].

Недопустимость лжи, в какой бы она форме ни проявлялась, — в неверном изображении, неискренней интонации — было одним из главных требований Ф. Степуна. Такое отношение читателя-фронтовика совпадало с размышлениями Л. Андреева, З. Гиппиус, М. Волошина, Г. Иванова и др., внимательно следившими за публикациями о войне. Можно сказать, что в ходе самой войны вырабатывалась *этика* военной прозы. Ложь в литературе и даже «детонация ко лжи» (Ф. Степун) других способствовала бы тому, что в «духовной истории войны» (Л. Андреев) был бы оставлен неверный след. Можно с уверенностью сказать, что в очерках и корреспонденциях В. Брюсова не было фальши, неискренности и дилетантизма.

Перечитывая военную хронику В. Брюсова (на сегодня насчитывается около 70 корреспонденций, в том числе и публикации в ярославской газете «Голос»), сопоставляя его публикации с очерками других репортеров, можно сказать, что они интересны не только фактами и подробностями (в том числе, конечно же, и самыми маленькими) той большой войны, т. е. не в историко-бытовом плане. В них, естественно, нет передачи ощущений человека, убивавшего, стрелявшего, находившегося под артобстрелом или вражеским прицелом, совершавшего изнурительные переходы или гнившего в окопах. Военные неточности, а иногда чисто «репортерское» восприятие войны Брюсова вызывали справедливые нарекания в «Письмах» Ф. Степуна. А стремление Брюсова наделить свои описания мельчайшими деталями из военной реальности заставило усмехнуться В. Маяковского. (Хотя сейчас эти детали военной и мирной жизни, например, Польши читаются с интересом, благодаря живому, легкому языку Брюсова).

Война, действительно, выглядит подчас несколько стерильной, бутафорской, особенно в первых публикациях. И Брюсов сам это понимал, стремясь попытаться у очевидцев подробности только что прошедшего боя, узнать о повадках немцев. В очерке «Рассказы очевидцев» автор пишет: «Что-либо новое о наших военных операциях узнать из этих рассказов, конечно, трудно. Каждой части приходилось действовать в ограниченном районе, и она была слишком занята своей ближайшей непосредственной задачей, чтобы следить за событиями в их целом. К тому же простые солдаты плохо запоминают немецкие названия местностей и городов <...>. Все, с кем мне приходилось говорить, единогласно свидетельствуют, что наша ружейная стрельба выше немецкой <...>. Все также согласны, что русское ружье лучше немецкого <...>. Впрочем, о германской артиллерии все отзываются почтительно: «Умеют стрелять, пожалуй, не хуже нас». Весьма

многие рассказывают о недостойных приемах, которые употребляют немцы в бою <...>» [7].

Однако «издержки» репортерского освещения войны не заслоняют достоинств военных корреспонденций Брюсова. В них ощутимо стремление автора понять, в чем отличие этой «войны механизмов» от предыдущих войн, что же такое настоящая храбрость («Бои под Ловичем»); описаны случаи неоправданной жестокости немцев на оккупированной территории, и в то же время звучит признание боевых достоинств неприятеля. А очерк о штаб-ротмистре Гурдове («Мимоходом. Один из героев») можно считать началом реабилитации русского офицера, буквально ошеломленного в предвоенной литературе.

На наш взгляд, военные свидетельства Брюсова интересны тем, что наряду с хроникой репортера в них есть *эмоциональное восприятие* войны. Например, во втором очерке из цикла «Из Варшавы в Ярослав» читаем: «В поле, где еще недавно горел кровавый бой, крестьяне идут за бороной, засыпая свежеразбросанные зерна. Война проходит над странами, как ураган, как стихийное бедствие, а древний, вечный, исконный труд земледеля продолжается из года в год, из тысячелетия в тысячелетие. Глядя на эти усердные работы на местах битв, я невольно вспомнил свои стихи: *Колыхаются нивы от гула... <...>*. На многих деревьях — следы артиллерийских снарядов. Есть огромные сосны, расщепленные гранатами. Есть великаны-вязы, словно срубленные у самого корня. Некоторые стволы унижены ружейными пулями. Тоненькие деревца, пробитые посредине, висят, жалостно перегнувшись...».

Общий духовный подъем в обществе, трудно объяснимая эйфория переданы в самом первом очерке «Путь на Запад»: «...Из мимолетных наблюдений, из случайных встреч и «вагонных» разговоров выносишь твердое убеждение, что то *настроение бодрости и веры в себя*, которое в Москве можно было объяснять ее сравнительной отдаленностью от совершающихся событий, *есть настроение всей России*. Видишь и слушаешь людей, случайно собравшихся в общем вагоне из самых отдаленных одна от одной губерний и из разных городов, — и ни одной ноты не проскальзывает в разговорах, которая нарушила бы всеобщую уверенность в нашем конечном успехе» (Курсив мой. — А. И.) [8].

Война в самых первых очерках Брюсова — это пока еще не сама война. Это, скорее, ожидание непременно победоносной, кратковременной войны, это околовоенный быт, прифронтовая жизнь... Это люди и города в ожидании военной беды. Такой мы видим прифронтовую столицу Польши в очерке «Проездом через Варшаву»: «Само собой разумеется, — пишет Брюсов, — что

вся Варшава с самым напряженным вниманием следит за событиями войны. Слишком большие надежды связаны у поляков с исходом этой «борьбы народов», и слишком тяжелая роль выпала в ней на долю Польше, дети которой распределены по армиям трех разных государств и которая стала первой ареной кровавых столкновений. Кроме того Варшава все же отчетливее других больших городов России слышит самые гулы битв. Всего в 100-150 верстах от города лежат местности, где появлялись передовые немецкие разезды или которые временно были заняты германскими отрядами» [9].

Начало войны — массированные обстрелы, налеты авиации, разрушения мирных городов, гибель сотен тысяч людей — породило ощущение драматизма происходящего, осмысление жестокости, бесчеловечности. И в очерках, написанных в сентябре — ноябре, начинают проявляться подлинные лики войны XX века.

В своих материалах Брюсов не раз выражал мысль о том, что это какая-то *иная война*. Так, в начале октября он заметил: «В конце концов, борьба русской армии с прусским нашествием есть борьба *живой силы с мертвым механизмом*. Немцы всего более полагаются на свою *технику*» [10] (Курсив В. Брюсова. — А. И.).

Не остались незамеченными *масштабы* боевых действий: «Фронт тех немецких сил, которые непосредственно угрожали Варшаве, тянулся почти на 100 верст (если считать действия против Ивангорода отдельной операцией). В прежнее время, полстолетия назад, это считалось бы громадным боем, генеральным сражением. Но масштаб современной войны так велик, что все движение немцев на Варшаву оказывается лишь одним эпизодом в наступлении германской армии на центральную Польшу. Бой при Прушкове, с такой точки зрения, кажется ничтожной пылинкой, почти незначимым явлением в кругу великих событий» [11].

Не сразу, но были отмечены некоторые особенности *позиционной, окопной* войны: «Многие сооружения возведены словно напоказ: геометрически правильно выровнены края окопов, прочно, как бы на долгие годы, устроены прикрития; с суровым вкусом обрезаны углы фортов. Можно любоваться этой солидной и по-своему красивой работой. Вместе с тем окопы были рассчитаны так, что давали возможность под прикритиями и подвигаться вперед и отступать» [12].

Один из очерков Брюсова называется «Фантастика войны». К числу «фантастических» еще вчера примет он относит *дальность и интенсивность артиллерийской стрельбы*: «Артиллерийские дуэли» заполняли всю первую половину боёв под Варшавой. Противники стояли так далеко друг от

друга, что целиться приходилось по картам и по компасу. Боролись ожесточенно, не видя один другого» [13].

Не менее фантастичными корреспонденту показались не чудеса техники, а *привыкание к войне*: «Давно известно, что на войне к облику смерти привыкают. Его видят так часто, что смерть перестает казаться чем-то страшным. В повседневной жизни одного покойника провожают десятки или даже сотни живых, — близких, родственников, знакомых: там умерший — явление исключительное, и кажется, что смерть приходит редко. На войне, в походе, убитых приходится видеть каждый день, и люди осваиваются с мыслью, что смерть — обычное событие в ряду других событий нашей жизни. Вид убитых немцев не вызывает в наших солдатах никаких мрачных предчувствий, только приводит на память различные моменты недавнего боя» [14].

Растущая буквально на глазах *роль авиации* у противника отмечена в очерке «На Северном фронте»: «Богато оборудована прусская армия и воздушными силами. До войны считалось, что Германия занимает далеко не первое место по размерам своего воздушного флота; теперь это мнение необходимо изменить. Несмотря на то, что немцы почти ежедневно терпят урон в воздушных боях, теряют десятками аэропланы и насчитывают уже немало подбитых и захваченных цеппелинов, — немецкие летчики продолжают кружить над всеми неприятельскими позициями. Словно на место одного сраженного воздушного чудовища у них вырастает два других. Когда я совершал поездку по северу Плоцкой губернии (перед самым занятием ее германцами), немецкие аэропланы летали стаями». И дело не только в количестве летательных аппаратов у немцев. Брюсов не мог знать, что благодаря воздушной разведке, прослушиванию нашей радиосвязи, немцы были прекрасно осведомлены о действиях русских войск.

Как и другим русским военным корреспондентам, Брюсову был свойствен *интерес к противнику*: кто он, немецкий солдат? Каковы его воинские качества? И если в первых очерках храбрость немцев объяснялась их пьянством (было и такое!), то чуть позднее он пишет: «Теперь, после двухмесячного опыта, все в нашей армии признают, что прусские солдаты обладают превосходными боевыми качествами. Они стойки в бою, грудью идут против артиллерийского огня, на штыковой удар готовы ответить штыками же; они не способны на ту панику, которая овладевает в случае поражения солдатами австрийскими...». И даже в плену «пруссаки способны воспользоваться любым случаем, чтобы вырвать из рук стражей оружие, начать отчаянную борьбу, бежать».

Брюсов обратил внимание на «различие в эволюциях немецких и русских летчиков. Немецкий аэроплан вносит и в свое дело прусскую методичность. Он летит прямо, ровно, неспешно; при обстреле медленно поднимается выше. Видно, что, неуклонно описывая над городом круг за кругом, он с точностью выполняет данное ему поручение. Русский летчик, напротив, бросается ввысь стремительно, взлетает, как пущенная стрела, и, как ястреб, гонится за врагом. Немец, заметив погоню, спокойно поворачивает и начинает уходить как будто неторопливо, но развивая всё большую и большую скорость...» [15].

III

Существуют ли звуки, краски, слова для того, чтобы передать подлинный ужас войны? Наверное, для того чтобы подобрать их, надо пережить, испытать непосредственно этот ужас. Как военному корреспонденту Брюсову приходилось самому терпеть некоторые тяготы, трудности с ночлегом, питанием, а также видеть жителей, оставшихся без крова... Но спустя некоторое время непосредственный участник войны Л. Войтоловский напишет: «...Увы! Всё то же. Длинно, холодно, грязно. Ни войны, ни людей, ни природы, — одна только хлюпающая грязь. Грязные дороги, грязные одежды, грязные разговоры. Голодаем как собаки. Со всех сторон гремит и грохочет» [16].

У того же Л. Войтоловского читаем: «...грязная большая деревня оказалась сплошь забитой войсками. Парку пришлось остановиться далеко за селом. В сопровождении солдат мы двинулись на поиски ночлега. В деревне творится что-то страшное. По земле буквально шагу ступить нельзя: повсюду следы войны, ужасные следы человеческой скученности и солдатской дизентерии. Ноги вязнут в вонючей гуще. По земле ползет тяжелый, смрадный туман, от которого во рту образуется гнилая, гадкая ржавчина, доводящая до рвоты» [17]. Этот запах войны не сможет забыть И. Эрэнбург, о чем скажет в книге «Лики войны».

В одном из очерков Брюсов описывает поле недавнего боя, усеянное «расстрелянными патронами <...>. Тут же — разорванные ранцы и сумки, погнутые походные фляжки, ременные пояса, фуражки, записные книжки, размокшие от дождя... <...>. Немного далее, за кирпичным заводом, — уже десятки трупов. Все — немецкие солдаты, так как наших санитары хоронят в первую очередь. Убитые частью положены в ряд, для погребения в общей могиле, частью остались на тех местах, где их застигла смерть. Здесь есть юноши лет по 20-ти, как будто улыбающиеся; есть бравые, усатые пруссаки, есть простые мужицкие лица <...>. В другом месте поля, за стогом сена, — группа убитых шрапнелью лошадей. Зрелище чу-

довищенное: оскаленные зубы, закатившиеся глаза, разорванные животы, дико поднятые вверх и так окоченевшие ноги [18]. Но можно ли представить, что же творилось на этом поле во время боя?

Вот какую запись в дневнике оставил один из офицеров Первой мировой: «... Кто знал и видел бои, когда потери доходят до восьмидесяти процентов, у того не может быть искры надежды пережить грядущий бой. Всё существо, весь здоровый организм протестует против насилия, против своего уничтожения. Казалось диковинным, что вся эта масса людей, объятая ужасом и протестом против непонятной смерти, смерти без понимания ее значения и смысла, вся эта масса всё же безропотно идёт, чем-то руководимая, идёт и будет автоматически производить заученные приемы, направленные к уничтожению таких же объятых ужасом и непонимающих людей» [19].

Первая мировая быстро приняла ставший привычным для Брюсова облик: «Всюду была одна и та же картина: несчетные окопы в полях и вдоль шоссе; вновь сооруженные форты для артиллерии, окруженные колючей проволокой; миллионы расстрелянных патронов, засыпавших почву, словно выпавший медный град; разрушенные или поврежденные снарядами строения; срубленные и поваленные деревья; трупы лошадей, а иногда и человеческие тела, ждущие погребения; ряды свежих крестов над братскими могилами» [20].

И еще. Очерки Брюсова отличаются *гуманизмом*. Сейчас, когда мир знает о жестокостях Второй мировой войны (особенно Великой Отечественной), о том, что происходило на захваченной фашистами территории, о лагерях смерти Дахау, Освенцима, о газовых камерах, можно со снисходительной улыбкой читать о том, что немцы, оккупировавшие тот или иной польский город, могли не заплатить за товары в магазине, что немецкий офицер мог грубо обозвать мирного жителя. Случаи варварства, становясь все привычнее, были предметом обсуждения в тогдашней прессе, но автору трудно повествовать об этом спокойно: «Немцы, взломав частные квартиры, выбрали из них всё сколько-нибудь ценное: серебро, меха, даже мебель. Всё это было сложено на подводы и увезено в Пруссию. А то, что осталось, немцы намеренно испортили: порвали обои на стенах, порубили ножки у диванов, разбили хрусталь... Ряд подобных рассказов был похож на кошмар; наперекор всем свидетельствам, не хотелось верить такому поистине «варварству» [21].

При этом Брюсову не свойственно какое-либо смакование, гипертрофированный интерес к подобным выходкам оккупантов. Для нас же становится очевидным утверждение историков,

что Первая мировая, с ее нарушениями законов и обычаев войны, была во многом предшественницей Второй мировой войны. Брюсов, скорее всего, не знал, что пытки и убийства военнопленных стали всё чаще применяться немцами и австрийцами, что в первые месяцы войны немцы стали применять разрывные пули дум-дум, запрещенные Гаагской конвенцией.

Гуманизм Брюсова заключается в его отношении к тем, кто вынужден нести тяготы войны, несмотря на то, что они – немцы, правда, мирные немцы. Нескрываемым сочувствием наполнен очерк «Письма врагов и к врагам», в котором передается содержание некоторых писем немецких женщин на фронт, своим близким. Благодаря сдержанному состраданию автора ощутимей становится общечеловеческий смысл трагедии войны. А бесчеловечность войны становится очевидней при сопоставлении ее будней с прежней мирной жизнью, с надеждами на послевоенный мир.

Первый неполный год войны стал для русской армии годом побед и еще больших поражений. Остались в прошлом надежды на краткосрочный характер войны. К началу 1915 г. из пяти с половиной миллионов Россия потеряла 1 млн. 350 тыс. убитыми, ранеными и военнопленными. По сути, был уничтожен цвет русской армии. Поступающее пополнение – это плохо обученная и слабо вооруженная масса. Тогда как немцы все более активно стали использовать техническое преимущество – авиацию, радиосвязь, тяжелую артиллерию.

Зима 1915 года стала поистине временем отрезвления и слабеющих надежд. Судьба войны стала смещаться на Восток. Замаячила перспектива затяжной, позиционной войны на истощение... Нарастающая тревога и вместе с тем какой-то спад в энергии повествования будут характерны для брюсовских публикаций на втором году войны.

IV

В чем значимость написанного о войне ее современниками? Чем интересны «Письма», «Дневники», «Очерки» для потомков? Точностью в изложении фактов, достоверностью в описании действий своих и вражеских частей и соединений? Психологическими портретами участников войны, стремлением проникнуть во внутренние психологические комплексы людей, для которых убийство и смерть стали их долгом? Бытописанием фронтовых окопных будней? Как ни странно, но не эти качества определяют жизнь во времени художественных свидетельств о войне. «Именно эта установка обрекла на забвение основную массу авторов военных очерков и воспоминаний», –

заметил современный исследователь творчества немецкого писателя и участника Первой мировой войны Э. Юнгера. – Для тех, кто пережил войну, узнаваемость собственных ощущений в этой литературе была излишней, а переживания, которые они хранили в глубинах своей души и памяти, никем не могли быть воспроизведены ни в своей интенсивности, ни в своей сущности. Интимность и нераскрываемость стали для многих не чем иным, как залогом своей человеческой ценности, значимости и достоинства. Насколько социальная стоимость этих характеристик была ничтожна, настолько они были значимы как основание духовной жизни соответствующей эпохи» [22].

Эти слова в немалой степени применимы к очеркам В. Брюсова, как и к «Письмам» А. Толстого и Ф. Степуна, если воспринимать их как *постижение духовной сущности войны*. В «Очерках» Брюсова война увидена не столько репортёром, сколько художником, стремившимся передать её *облик*. Эти письма с войны роднит не точное воспроизведение происходящих событий, а *восприятие войны как иного бытия*, включающее и наблюдение, и осмысление, и ощущение. Всё это – разные грани того, что чаще всего исследователями литературы о войне относится к *изображению войны*.

Брюсову-корреспонденту (как и Ф. Крюкову, В. Муйжелю, Я. Окуневу, Ф. Степуну, С. Федорченко, А. Толстому – очевидцам войны, авторам лучших публикаций о ней) пришлось столкнуться с тем, что же такое – *правда войны*, каков ее истинный облик. Его первые публикации – это поиск верного угла зрения, нужной интонации. И вместе с тем в них объективно отразились определенные моменты в истории войны, ее начального периода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брюсов В. Я. Из моей жизни. Автобиографическая и мемуарная проза / В. Я. Брюсов. – М.: Terra – «TERRA». – 1994. – С. 87.
2. Русские Ведомости. – 1914. – № 170 (25 июля).
3. Уткин А. И. Первая мировая война / А. И. Уткин. – М.: Алгоритм, 2001. – С. 139.
4. Степун Ф. А. (Н. Лугин). Из писем прапорщика-артиллериста / Ф. А. Степун. – Томск, 2000. – С. 75.
5. История России XIX-XX веков: Новые источники понимания. – М., 2001.
6. Степун Ф. А. Указ. соч. / Ф. А. Степун. – С. 73-74.
7. Брюсов В. Рассказы очевидцев / В. Брюсов // Русские ведомости. – 1914. – № 192 (22 августа).
8. Брюсов В. Путь на Запад / В. Брюсов // Русские ведомости. – 1914. – № 189 (19 августа).
9. Брюсов В. Проездом через Варшаву / В. Брюсов // Русские ведомости. – 1914. – № 196 (26 августа).

В. БРЮСОВ – ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «РУССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

10. Брюсов В. На Северном фронте / В. Брюсов // Русские ведомости. – 1914. – № 235 (12 октября).
11. Брюсов В. После победы (На полях битв под Варшавой). I. Поле битвы» / В. Брюсов // Русские ведомости. – 1914. – № 237 (15 октября).
12. Брюсов В. «После победы (На полях битв под Варшавой). II. Основы наших побед» / В. Брюсов // Русские ведомости. – 1914. – № 238 (16 октября).
13. Там же.
14. Брюсов В. В тылу боя (Поездка в Лович) / В. Брюсов // Русские ведомости. – 1914. – № 268 (20 ноября).
15. Брюсов В. На Северном фронте / В. Брюсов // Русские ведомости. – 1914. – № 235 (12 октября)
16. Цит. по кн.: Первая мировая / [сост. С. Н. Семанов]. – М. : Молодая гвардия, 1989. – С. 505.
17. Указ. соч. – С. 505.
18. Брюсов В. После победы (На полях битв под Варшавой). I. Поле битвы / В. Брюсов // Русские ведомости. – 1914. – № 237 (15 октября).
19. Г. Чемоданов. Из записок офицера // Первая мировая / [сост. С. Н. Семанов]. – М. : Молодая гвардия, 1989. – С. 580.
20. Брюсов В. После победы (На полях битв под Варшавой). II. Основы наших побед / В. Брюсов // Русские ведомости. – 1914. – № 238 (16 октября).
21. Брюсов В. На Северном фронте» / В. Брюсов // Русские ведомости. – 1914. – № 235 (12 октября).
22. Солонин Ю. Н. Эрнст Юнгер : от воображения к метафизике истории / Ю. Н. Солонин // Юнгер Э. В стальных грозах. – СПб., 2000. – С. 31.

Иванов А. И.

Доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и издательского дела Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

Ivanov A. I.

Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Full Doctor of Philology, Professor Head of the Journalism and Publishing Business Department,